

УДК 94 (5); 94 (100) 05; 94 (510)03; 94 (517)

Г. Г. Пиков

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

gennadij-pikov@yandex.ru

ЕЛЮЙ ТУЮЙ – «ЧЕЛОВЕК КУЛЬТУРЫ» В КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

В период существования империи Ляо (907–1125) происходит подъем культуры, проходивший в форме ренессанса. Киданьская культура активно заимствует восточноазиатскую культуру в целом и китайскую в частности. Одним из последствий этого станет появление «людей культуры», как и в Китае, которые восприняли китайскую культуру гораздо сильнее, чем основная масса киданей. Ярким примером этой категории является Елюй Туой, старший сын первого киданьского императора Елюй Апоки, известный также под китайским именем Пэй, сыгравший заметную роль в политической жизни империи, но больше запомнившийся своими занятиями литературой и искусством. В статье не только рассказывается о его жизни, но и делается попытка понять причины появления таких людей и их место в истории киданьской и евразийской культур. Они предпочитают эту культуру не как средство достижения общественных или личных целей, а связывают с ней смысл всей своей жизни. Перед нами своего рода феноменальное явление. Это станет одним из механизмов формирования слоя интеллектуалов как одной из категорий населения.

Ключевые слова: Ляо, империя, кидани, человек культуры, ренессанс, Бохай, Китай.

Киданьский ренессанс — период интеллектуального и культурного возрождения в эпоху правления киданьской династии Елюй в империи Ляо (907–1125). В это время наблюдался расцвет литературы, истории, искусств, архитектуры, юриспруденции (подробнее см.: [Пиков, 2010. С. 269—281]). Новый киданьский «мир» создавался во многом на основе южной имперской модели. Основными механизмами этой операции стали «возрождение» и рецепция, вернее, их сочетание.

В государстве возросла потребность в грамотных и широко образованных людях. К концу империи такой тип человека, несомненно, появился. Кидани создали своеобразный синтез военно-физического воспитания и книжного образования с помощью наставников, которые были у каждого знатного человека. Акцент делался на киданьском, китайское использовалось выборочно.

В то же время необходимо отметить, что в обоих регионах южная и северная культуры были почти одинаково сильны и конвергенция их шла медленно и противоречиво. Носители обеих культур, по сути, долго противостояли друг другу. Побочным и нежелательным для нового формирующегося государства было появление людей, которые уходят полностью в южную культуру и пытаются жить по ее ценностям и даже рецептам. Если приверженцы ментальной культуры в определенном смысле могут быть названы просто «уходящими», то судьба этих людей более сложна. Их очень немного, но они явно выделяются на общем фоне. Их считают чужаками, лишними людьми.

Пиков Г. Г. Елюй Туой – «человек культуры» в кочевом обществе // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 10: Востоковедение. С. 48–53.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Том 15, № 10: Востоковедение

© Г. Г. Пиков, 2016

В данном случае есть смысл обратиться к личности такого человека – это старший сын основателя династии Елюй по имени Туую.

Елюй Туую, известный также под китайским именем Пэй, был старшим сыном первого киданьского императора Елюй Апоки. Отец готовил его в свои преемники. С его именем связана постройка первого у киданей храма в честь Конфуция (916 г.). Император обратился к своим сановникам: «Правитель, получивший от Неба право на управление страной, должен служить Небу и почитать духов. Я хочу приносить жертвы имеющему наибольшие заслуги и добродетели. Кто из таких людей самый выдающийся?» Все ответили: «Будда». Тай-цзу возразил: «Буддизм — не китайская религия». Тогда Туую сказал: «Конфуций — великий мудрец, которого почитают уже в течение десяти тысяч поколений. Его следует считать самым выдающимся» [Е Лун-ли, 1979. С. 472]. Император распорядился о постройке храма и велел Туую приносить в нем жертвы весной и осенью.

В 926 г. кидани захватили территорию восточного государства Бохай. Из западных земель Бохая указом Елюй Апоки было образовано вассальное государство Дундань-го (Восточный /ки/ дань). Во главе его и был поставлен Туую с королевским званием *ван* и китайским титулом *Жэньхуанван* («царственный ван народа»). Он объявил амнистию и помиловал всех приговоренных к смертной казни, смягчил меру наказания для других.

В государстве во многом сохранялись старые административная система и территориальное деление. Туую имел свой девиз правления, императорские регалии и мог самостоятельно отправлять посольства в Японию и Китай [Там же. С. 240]. На высшие государственные посты левого и правого великого министра (цзо ю дасян) и правого и левого помощника министра (цзо ю цысян) назначались поровну представители бохайской и киданьской знати. И все же вскоре по Бохаю прокатилась волна антикиданьских восстаний. Они были вскоре подавлены. Кидани вынуждены были держать в Бохае большие гарнизоны и в течение долгого времени не облагать бохайцев налогами на землю, спиртные напитки, дрожжи и соль [Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949. P. 195, 314]. Один из киданьских сановников в Бохае по имени Елюй Юйчжи в 929 г. представил план решения возникших проблем: [Е Лун-ли, 1979. С. 363–364], и Елюй Дэгуан «с радостью утвердил» этот доклад, хотя, возможно, разработанный план был инициирован его противником Тууюем, который пытался после провозглашения Дэгуана императором бежать в Позднюю Тан, но был задержан [Е Лун-ли, 1979. С. 241; Ивлиев, 2005. С. 471].

Вскоре столица Дундань была перенесена в г. Дунпин (совр. Ляоян). В большом количестве бохайцев приписывали к ордо императоров, дарили знатным киданям, переселяли на западную границу. Стараясь избежать переселения, многие бохайцы бежали в Синьло (Корея) и к чжурчжэням. Был введен и запрет на поло, старинную бохайскую народную игру в мяч верхом на лошадях, так как в ней кидани видели возможность военных тренировок [Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949. P. 404].

Правитель восточного королевства был поставлен под довольно жесткий контроль со стороны правительства Ляо. Император часто лично приезжал в Дундань или присылал Хэли Пунина «увещевать и успокаивать» Тууюя, создал для него специальный почетный церемониальный эскорт [Ивлиев, 2005. С. 472].

После смерти Елюй Апоки в Бохае его жена императрица Шулюй Пин (кит. Елиду; храмовое имя Интянь) (879–953) велела его младшему сыну, Аньдуаню, управлять государством Дундань, а сама вместе с Тууюем выехала из Бохая, сопровождая колесницу с телом покойного. Она очень любила своего младшего сына и захотела сделать его новым правителем. Шулюй считала к тому же, что старший сын Пэй (Туую) является слишком «китаизированным». Военачальники, знавшие желание императрицы, поддержали ее.

Пэй (Туую) признал выбор, но новый император не поверил в его искренность, и повелел ему жить в Дунпине, объявленном Южной столицей государства Ляо. Туую счел себя обиженным и во главе нескольких сот всадников бежал к танскому двору, но был задержан дозорами. Императрица, не наказывая его, снова отправила в государство Дундань.

Эту ситуацию решил использовать позднетанский император Мин-цзун и пригласил Тууюя в Китай. В конце 930 г., «в одиннадцатой луне Тууюй, киданьский правитель государства Ду-

ндань, не смогший занять престол и в связи с этим считавший себя обиженным, переплыл через море и бежал к позднетанскому двору во главе своих приближенных в количестве 40 человек». Под предлогом охоты он приехал на берег моря (Бохайский залив) и сказал своим приближенным: «Я уступил Поднебесную императору, но он относится ко мне с подозрением, мне лучше уехать в чужое государство». Позднетанский император пожаловал ему фамилию Дундань, имя Му-хуа (в следующем году фамилия была изменена на Ли, а имя – на Цзань-хуа) и назначил на должность генерал-губернатора Хуайхуа» [Е Лун-ли, 1979. С. 57]. Его заставили сменить имя и фамилию на китайские, так он превратился в Ли Цзаньхуа.

Туюй внимательно следил за событиями в Ляо. По «Ляо ши», тоскуя по родине, Туюй «поставил на берегу моря деревянную стелу, и на той ее стороне, которая была обращена к киданьскому берегу, поместил свои стихи из 20 китайских иероглифов:

Маленькая гора подавила большую гору,
У большой горы совершенно не оказалось сил,
Ей стыдно смотреть на своих земляков,
Поэтому в поисках прибежища
Она бежала в чужое государство.

Туюй (Ли Цзань-хуа) любил читать книги и не любил заниматься охотой. Еще будучи правителем Дундань (Бохая), он приказал собрать слитки золота, тайно поехал в Ючжоу для покупки книг и привез оттуда несколько десятков тысяч цзюаней. Им была устроена библиотека на горе Иулюй, на здании которой висела доска с надписью «Ванхайтан (библиотека Любования морем)» [Е Лун-ли, 1979. С. 57]. Он хорошо разбирался в натурфилософии, знал музыку, врачевание, писал сочинения на китайском и киданьском языках, перевел на киданьский язык даосскую книгу «*Иньфуцзин*». В разговоре с китайским послом Яо Кунем он свободно ссылаясь на «*Цзо чжуань*». По «Ляо ши», его картины, например «Стреляющий всадник», «Всадники, охотящиеся по снегу», «Тысяча оленей», хранились при дворе сунского императора.

В 934 г. император династии Хоу Тан (Поздняя Тан) был лишен престола. Недовольный этим Туюй тайно предложил своему брату Яогу (Дэгуану) прислать киданьские войска. Когда киданьские войска появились в пределах государства, узурпатор Лу Ван предложил Туюю самому покончить жизнь самоубийством и сжечь себя вместе с родственниками. Туюй отказался, тогда узурпатор послал евнуха Цинь Цзиминя и начальника охраны императорского города Ли Яньшэня убить Туюя в его усадьбе. Туюю было 38 лет.

Ши Цзин-тан пожаловал Ли Цзаньхуа посмертно титул Янь-вана и отправил посла проводить его тело на родину. Киданьский император Тай-цзун (Дэгуан), разбив Позднюю династию Цзинь, созданную Ши Цзин-таном, разыскал Ли Янь-шэна и Цинь Цзи-миня, убил их, а членов их семей и имущество подарил Уюю, сыну Туюя. Самому Туюю он даровал титул «император Вэнь-у юань хуанван». Впоследствии Уюй, вступивший на престол под титулом Ши-цзуна, похоронил отца на горе Иулюй и поднес ему посмертный титул Жанго хуанди («император, уступивший государство»), а кладбищу присвоил название Сяньлин. В 1051 г. Туюй получил новый посмертный титул — «император Вэньсянь цинь хуанди» и храмовый титул Ицзун.

На появление людей типа Туюя повлиял ряд факторов, некоторые из которых вполне можно определить на основе историко-культурного анализа.

Прежде всего, стоит отметить то, что подобные люди неоднократно встречаются в истории. Они есть во все времена и во всех цивилизациях. Иисус Христос вышел за социум, взял за основу своей жизненной философии «истину» и жил по ней, непонятыми долго оставались идеалист и просветитель Ф. Кассиодор, философы И. С. Эриугена и Р. Бэкон, еретик Я. Гус, сделавшие смыслом своей жизни поэзию А. А. Пушкин, М. Ю. Лермонтов или И. Бродский. Понятно, этот набор до определенной степени случаен, но он все же свидетельствует, что таких людей много.

В самих южных культурах тоже наблюдается стремление к абсолютному погружению в культуру и формируется своего рода идеал такого человека. В средневековом Китае они даже

сформировали школу под названием *вэньжэнь-хуа* – «живопись образованных / культурных людей / литераторов» [Войтишек, 2011; Войтишек, Шмакова, 2012. С. 86–92; Завадская, 1983]. В дальнейшем эти люди станут одним из источников пополнения особого социального слоя *ши* (досл. «наставник», «учитель», «мастер») в Китае и Корее.

Стоит подчеркнуть и то, что интеллектуалы *вэньжэнь* предпочитают культуру не как средство достижения общественных или личных целей, а связывают с ней смысл всей своей жизни, живут ею и ради нее. Их интересуют в большей степени «профанные знания» (философия, литература, право), а не идеологические и религиозные, т. е. не практическая сфера или «высшая мораль», и уже хотя бы по этой причине они воспринимаются и современниками, и потомками как своего рода маргиналы, «лишние».

Общество и его культура отторгают их, тем более что они больше работают с культурными артефактами преимущественно светского характера. Литература, поэзия, искусство массами считаются досужими занятиями, не имеющими значения для государства и противостоящими культуре в целом или религии. У киданей литература была лишь досужим занятием, поэтов они не любили.

Те же, кто был предан этой сфере до конца, естественно, находились в сложных отношениях с современным им социумом. Туую не давали использовать свои обширные познания в политической сфере, оттеснили от императорского трона, а в конце концов просто уничтожили физически. Он считался бессмысленным собирателем книг и читателем, его коллекции книг оценили до сих пор лишь буддийские монахи и китайские коллекционеры. Поведение Туоя прямо описывается в «Ляо ши» («Истории династии Ляо») как девиантное.

«Люди культуры» не участвуют в общесоциальной культурной программе, более того, они фактически не оказывают на нее никакого влияния. Они никуда не плывут. Для них культура не река, а море. Неудивительно, что они становятся социально беспомощными, инфантильными.

Можно говорить, что «люди культуры» стали одним из результатов и широкого распространения новой системы образования. Образование в любые времена рассматривается лишь как форма подготовки к той или иной деятельности. Эта деятельность связывалась с началом сознательной жизни, и заниматься этим после обретения необходимых навыков и знаний считалось бессмысленным. Туой и ему подобные воспринимают образование как то, чем можно и нужно жить. При этом акцент делается на «погружении в культуру», а не на преобразовании культуры. Культура, в том числе и древняя, подчиняет их, они начинают работать в большей степени над ее проблемами, чем над общественно полезными и значимыми задачами. В цепочке образование – воспитание – служение обществу они фактически предпочитают оставаться на первой стадии, хотя и преследуют цель развития общества в лучшую сторону. Туоя интересует политика, и он пытается с помощью южной «древней» культуры управлять тем же Бохаем, что вызывает крайнее недовольство его отца.

Туой максимально отходит и от ментального пласта культуры и явно излишне увлекается южной культурой и рецептурой. Тем самым у него появляется больше возможностей сосредоточить свои усилия на двух важнейших (прежде всего для него самого) проблемах. В общеметодологическом плане это уход в образование как самостоятельную сферу, в культурном – освоение чужой культуры как культуры метарегиона. Здесь следует дополнительно подчеркнуть, что эта культура, во-первых, была не современна им, а отстояла на добрую тысячу лет во времени, а, во-вторых, принадлежала представителям иной этничности (ханьцы).

К концу династии Ляо в результате творческого освоения китайского влияния и дозированной китаефилии, с которой в свое время боролся основатель киданьского государства Елюй Апоки, появилась оригинальная культура, сложился слой образованных людей, некоторый аналог китайских чиновников-*шэньши*, образование которых основывалось на древней культуре. В Китае сословие *шэньши* активно участвовало в управлении страной, в Ляо эти люди стали одной из важных социальных групп. Конечно, у северян дихотомия *шэньши* – *вэньжэнь* не сложилась столь четко.

Перед нами своего рода феноменальное явление. Классическое традиционное общество не знает интеллектуалов как отдельную категорию населения. Интеллектуальные занятия являются лишь одной из ряда сфер деятельности человека. В кочевых же обществах вплоть до появления империй чистых интеллектуалов вообще не было. Имперский бюрократический аппарат в них нуждался, но это были преимущественно практики – историки, чиновники. Сначала они приходили с юга, и только к концу имперской истории Каролингов или Ляо собственно северяне (франки, кидани) начинают преобладать среди них. «Люди культуры» типа Туоя или брата первого киданьского императора сыграли свою роль в этом процессе.

Список литературы

Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2011. 312 с.

Войтишек Е. Э., Шмакова А. С. Содержание и значение понятия мунъин в контексте конфуцианской трансформации средневекового корейского общества // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 4: Востоковедение. С. 86–92.

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). М.: Наука, 1979. 608 с.

Завадская Е. В. Мудрое вдохновение. Ми Фу (1052-1107). М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1983. 200 с.

Ивлиев А. Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005. 695 с.

Пиков Г. Г. «Киданьский ренессанс» // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2010. Вып. 4. 576 с.

Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society, Liao, 907-1125 // American Philosophical Society, Transactions. N. Y., 1949. 752 p.

Материал поступил в редколлегию 25.08.2016

Gennady G. Pikov

*Novosibirsk State University
1, Pirogova, Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

pikov@gf.nsu.ru

YELÜ TUÜ – "MAN OF CULTURE" IN A NOMADIC SOCIETY

During the existence of the Liao dynasty (907–1125) there was a rise of culture, held in the form of the Renaissance. Khitan culture actively adopts general East Asian culture and in particular Chinese. One consequence of this will be the emergence of "people of culture", as in China, who accepted Chinese culture is much stronger than the bulk of the Khitan. A striking example of this category is Yelü Tuü, the eldest son of the first Khitan emperor, also known by the Chinese name Pei, who played a prominent role in the political life of the empire, but is most remembered for his studies of literature and art. The article not only talks about his life, but also attempts to understand the causes of occurrence of such people and their place in the history of the Khitan and Eurasian cultures. They prefer the culture, not as a means to simply achieve social and personal goals, but as the meaning of his life. Before us is a kind of phenomenon. This is one of the mechanisms of formation of a layer of intellectuals as one of the categories of a population. "People of Culture" has become one of the results and the wide dissemination of a new education system. In the chain of education – education – public service as they actually prefer to stay in the first stage.

Society and culture rejects them, especially since they work more with cultural artifacts with mostly secular character. Literature, poetry, art, mass is considered idle pursuits that have no value

for the state and opposes the culture or religion as a whole. In Khitan, literature was only busy idly. Tuü at maximum departs from the mental and the formation of culture, and is obviously too interested in the southern culture and the recipe. Thus, he has a greater capacity to focus on the two most important aspects: first of all, problems; all to the same to him. In general methodological terms, this care education as a separate sphere, in concrete is about mastering a foreign culture as a metaregional culture.

During this period, those who have been loyal to this area until the end, of course, were in a difficult relationship with contemporary society. Behavior of Tuü in "Liao Shi" ("History of the Liao Dynasty") directly described him as a deviant. However, by the end of the Liao Dynasty as a result of the creative development of Chinese influence emerged original culture, a layer of educated people was formed, as well as an analogue of Chinese officials, and gentry, whose formation was based on the ancient culture.

References

Voytishkek E.E. Igrovie tradicii v duhovnoj culture stran Vostochnoj Azii [Game traditions in the spiritual culture of East Asia]. Novosibirsk: NSU, 2011. (In Russ.)

Voytishkek E.E., Shmakova A. S. Soderzhanie i znachenie ponjatija munin v kontekste konfucianskoj transformatsii srednevekovogo korejskogo obshestva [The content and meaning of munin in the context of the medieval Confucian transformation of Korean society]. Vestnik of NSU – Bulletin of NSU, 2012, vol. 11, is. 4: History, philology. p. 86–92. (In Russ.)

E Lun-li. Istoria gosudarstva kidanej (Tsidan go chgi) [History of the Khitan's state]. M., 1979. (In Russ.)

Zavadskaja E. V. Mudroje vdohnovenie [Wise inspiration.]. M., 1983. (In Russ.)

Ivliev A. L. Oчерк istorii Bohaja. [Sketch of the history of Bohay] // Rossiskij Dalnij Vostok v drevnosti i srednevekovje – The Russian Far East in antiquity and in the middle ages. Vladivostok, 2005. (In Russ.)

Istoria Zheleznoj Imperii [The history of the Iron Empire]. Novosibirsk, 2007. (in Russ.)

Konrad N. I. O teatralnom iskusstve Japonii VII–VIII vv. [On the theatrical art of Japan VII–VIII centuries] // Theatre and drama of Japan. M., 1965. (In Russ.)

Pikov G. G. Kidanskij renessans [The Chitan Renaissance] // Drevnie kulturni Mongolii i Bajkalskoj Sibiri - Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Ulan-Ude, 2010. P. 269–281. (In Russ.)

Sokolov S. N. O podhode k prochteniu dalnevostochnoj "zivopisi nezavisimih intellektualov" [On the approach to the reading of a far East "painting independent intellectuals"] // Problemi vzaimodejstvija hudozestvennih kultur Zapada i Vostoka v novoe i novejshee vremja [Problems of interaction of artistic cultures of East and West in modern and contemporary times]. M., 1972. (In Russ.)

Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society, Liao, 907–1125 // American Philological Society, Transactions. N. Y., 1949. (In Engl.)